

ДРАГОЦЕННЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Историки русского языка горько сетуют: скуден материал. Письменные источники сохранили только малую часть всего богатства древнерусской речи. Еще хуже с историко-диалектными данными. Поэтому непростительно упустить каждый источник. А так редко привлекают имена собственные, которых не меньше, чем нарицательных. Они не возникали "из ничего", основа каждого — употребительное живое слово. Топоним и фамилия *Осташков* указывают, что бытовало имя *Осташ* в характерной для своего времени форме (из *Евстафий*).

Бесчисленны донесенные до нас фамилиями и топонимами утраченные и забытые слова. В названиях селений даже одной Тотемской волости (на р. Сухоне) по списку 1623 г. их десятки: *Булахтино, Варлыгино, Доможирово, Запинкино, Засыскино, Колыгино, Копылово, Корепоово, Кувакино, Лобаково, Лодыгинская, Обирково, Осовая, Пигилево, Скребехово, Слудка, Тарабукино, Унжалово, Хороброво, Цывилево, Черепаново, Чурилково...* Они избыточны архаизмами и диалектизмами, многие из которых ускользнули от записи.

Таковы и фамилии. Взять наугад любой район, например, Пронский, Рязанской области: в с. Елшино — *Балабошины, Дворниковы* (значение противоположно современному — не 'уборщик', а 'арендатор двора'), *Колгановы, Хазовы*, в Болотово — *Алабины, Жамновы*, в дер. Алютово — *Бушевы, Веретенниковы, Евдокухины, Толстоушкины*, в с. Красное — *Жигалины, Камаевы, Шишеровы* и т.д. Это не из архивов, это — сегодня, рядом с нами. Ясно, что вся масса существующих фамилий рождена не десятилетиями, а столетиями. Они сберегли слова и формы XVI—XVIII вв. Непосредственно вокруг нас разбросаны сокровища, которых мы не замечаем.

Следы множества старинных или диалектных слов уцелели только в фамилиях. Никем и нигде не записаны слова *засора, жижики*, а фамилии *Засорин, Жижикин* в Городищевском районе Пензенской обл. напоминают о них, как *Шустановы, Буровкины* в Вадинском районе той же области — о словах *шустан, буровка*. Лишь фамилии свидетельствуют о ряде исчезнувших профессий. Основы массы фамилий пока необъяснимы, например, северных — *Бурмагины, Видякины, Водынины, Лихотуровы, Односторонних, Пересторонины*.

Абсолютному большинству русских неясна этимология фамилии *Шаньгин*, да и сама фамилия мало где известна, зато на Севере она распространена и основа ее всем понятна — *шаньга* ('лепешка со сметаной'), любимое кушанье северян. Не единичны случаи, когда фамилия часта на одной территории, а слово, раскрывающее значение ее основы, — на другой: *Голдобины* записаны в Шенкурском и Онежском уездах прошлого столетия, а слово *голдаба* 'беднота' отмечено В.В. Палагиной в словаре старожильческих говоров по среднему течению р. Оби. И обратно: фамилия *Пластинины*

бытует в Сибири, слово *пластина* — давний производственный термин разделки рыбы на Северной Двине и Белом море, откуда и пришло в Сибирь. Собственные имена — своего рода "меченые атомы", указывающие на маршруты народных миграций.

Безгранично множество таких примеров, но еще чаще — архаизмы и диалектизмы не лексические, а фонетические (ведь, даже самое частое слово уступает по частоте самому редкому звуку языка). На русском Севере характерно превращение канонических имен *Самуил*, *Эммануил* в *Самыл*, *Мамыл*. Соответственно распространены там фамилии *Самылов*, *Мамылов*. Нередки вологодские и вятские топонимы *Манылово*, *Маныловцы*, *Маныловский погост*, *Самылово*, *Самылково*, *Самылиха*, южная граница их проходит через север Калининской области, Ярославскую и Костромскую. Но сама замена *у* на *ы* произошла раньше прихода русских на Север: название с. *Самылково* в Дедовичском районе Псковской области не могло быть занесено с Севера.

На Севере топонимия сохранила и форму *Патрак* при повсеместном *Патрикей* (из лат. *patricius**).

Там же не единичны топонимы, удерживающие древнерусское *е*, замененное вне ономастики на *о*: *Елень*, *Езеро*.

Прославленное еще былинами женское имя *Олисава* (каноническое — *Елизавета*) оставалось на Севере нередким еще и в XVIII в.; перепись 1717 г., содержащая рожденных на исходе XVII в., застала в дер. Дуброва (ныне Вельский район Архангельской обл.) даже четырех носительниц этого имени (одна записана в промежуточной форме *Елисава*). На Севере были распространены и фамилии *Молоснов* (из *молосной* 'молочный') и шире — *Труфан* (от *Трифон* — по древней колеблющейся передаче греческого ипсилона, как *Кипр*, но *купорос*).

Фамилии *Евтипов*, *Евтишев* (из канонических имен *Евстигней*, *Евстафий*) выдают свое происхождение — результат псковской утраты согласного *с* из сочетания *ст*, ср. в Тамбовской обл. — *Евстюфейкины* (Уметский р-н), на других территориях и *Астаховы*, *Остаповы*, *Осташковы*, *Астаповы*, *Останкины*, *Остафьевы*, *Стахевы* и во множестве прочих метаморфоз. Не только не изучены, но и не собраны превращения *Аким* — *Еким* — *Яким* (из *Иоаким*).

Фамилии *Востров*, *Вострецов*, *Востропятов* обязаны говорам с протетическим согласным (для датировки можно напомнить помещика *Вострая Сабля* при Петре I: его потомки стали *Востросаблины*). Так и *Гостроверховы* (в с. Решетовка, Тамбовской области). Напротив, *Стрекопытовы* (от петровского же дворянина *Острое копыто*) утратили оба первых *о* — *острое* превращено в *стре*. И мелкие фонетические изменения, сплетаясь с переосмыслением, когда основа стала непонятна, превращают фамилию в неузнаваемую: *Локтивонов* (из *Галактион*), *Ларьков* (из *Илларион*), *Политов* (из *Ипполит*) и т.п. В терминах теории информации это помехи

* Через греческий, см. Фасмер² III, 217. — Прим. ред.

в каналах связи. Для изучения диалектов и истории языка это не-оценимые свидетели!

Еще дороже помощь собственных имен для самого запущенного раздела истории русского языка и его диалектов — словообразования, самостоятельность которого (наравне с лексикой, грамматикой, фонетикой) признана очень поздно, лишь в конце 50-х гг. нашего столетия.

Достаточно обратиться к карте: как размещены формы названий населенных пунктов? Преобладающих форм — две: *-ов* (включая *-ово*, *-ова*, с их фонетическими вариантами *-ев*, *-ево*, *-ева*, присоединяемыми к основам на гласный или мягкий согласный), и *-ка* (включая *-овка*, *-евка*) — по данным середины прошлого века, в %:

Зона	губерния	уезд	<i>-ов</i>	<i>-ка</i>
северней Москвы	Вологодская	Тотемский	44	5
"	Ярославская	Попехонский	40	10
южней Москвы	Пензенская	Городищенский	5	42
"	Курская	Белгородский	27	37

Ясно, что распределение десятков тысяч названий сложилось за несколько столетий. Полученное соотношение их — проекция времени на плоскость карты. Налицо резко выраженный поединок двух имяобразующих форм. Там, где вся масса русских названий возникла до середины XVI в., господствует суф. *-ов*. К этой дате его употребительность упала, а восторжествовал формант *-к* который и получил преобладание южней линии приблизительно Брянск—Тула—Арзамас, по которой пролегал рубеж Московского государства середины XVI в. (конечно, границу нельзя представлять в современном смысле слова).

Более широкую перспективу времени отражает "дуэль" *-ица* и *-ка* в русских названиях рек: чем северо-восточней, тем резче преобладает *-ка*. В этом же плане географичны и другие суффиксы топонимов. В ряде моих работ показана историческая суть выразительных ареалов *-иха*. Чрезвычайно частые в бывших Суздальских землях (в треугольнике между Волгой и нижним течением Оки каждый четвертый населенный пункт и сегодня носит название с *-иха*: *Блошиха*, *Затеиха*, *Хвостиха*), отсюда они хлынули за Вятку и Каму, узкой полосой пересекли Урал и широко разлились по Сибири; на юго-восток они продвинулись по Суре и Волге; на запад и юго-запад их разнесли старообрядцы, уходя от религиозных притеснений — на Западную Двину, на Десну, даже в Польшу. Совсем иначе размещены топонимы на *-ичи*. Колоритны "островки" с *-ята* (*Дубята*, *Озерята*, *Ярята*).

Для каждой территории характерен свой "спектр" формантов топонимии, 'могущий служить ее "топонимическим паспортом". Удивительна устойчивость ономастических форм. В XV—XVI вв. на территории бывшей Бежецкой пятины произошла широкая смена топонимов — большинство лексических основ заменено, а частотность формантов осталась прежней! Так и на наших глазах: из топонима *Екатеринодар* выброшена негодная основа, а второй компонент, утратив всякую связь с *дарить*, уцелел: *Краснодар*.

Аналогично в переименованиях с *-град*. Формант "нейтральной" основы. У всего своя хронология.

Красноречива территория, — то есть история! — в изобильных топонимах и фамилиях, образованных формантом *-хно*. Максимально густы они на юго-западе. 52 населенных пункта Украины содержат *-хно* (из них 20 в Хмельницкой и Винницкой областях — *Вахновка, Вахновцы, Дахновка, Ивахновцы*), откуда они устремились к северо-востоку до верхнего течения Оки (*Алехново* в Орловской области, *Вахново* в Тульской, г. *Юхнов* в Смоленской). И на севере в б. Псковской губернии их было даже 93 (*Дахново, Ивахново, Лехно*), дальний отклик их единичен в Архангельской обл. Фамилии с *-хно* нередки у белорусов и украинцев, но преимущественно они дооформлены русским *-ов*.

Каждое личное имя употребляли преимущественно не в основной форме, а в многочисленных производных: от *Василий* — *Вася, Васька, Васенька, Васяка, Васёк, Васюк, Василь, Василько, Васюта, Васютка, Васей, Васяй, Васюха, Васюша, Васяня, Васяха, Вака* и т.д.; от самого частого у русских в прошлом имени *Иоанн* насчитано почти полтораста производных форм. Из них возникали топонимы и фамилии. У многих формантов свои ареалы на карте. Так, *-ута* чаще на Севере (мезенские *Личутины* и др.), вероятно, пройдя через Псков и Новгород из Польши и Белоруссии, а туда — из Литвы. В Верхнем Поочье наибольшее скопление фамилий с *-очкин*, от имен уменьшительно-ласкательных (может быть, ироничных? см. *Ванюшечкин, Звездочкин, Ниточкин*), а фамилии на *-сков* (*Земсков, Донсков, Сотсков*) преимущественны на юго-востоке России, характерны для русских пограничных зон XVII—XVIII вв.; много примеров их у яицких казаков собрал Н.М. Малеча, у донских — Л.М. Щетинин. Положенные на карту 20 фамилий на *-итин* (*Костромитин, Пермитин, Веневитинов*) с удивительной точностью очертили территорию Московского государства на исходе XV в.; их основы обозначали зачисленного на военную службу по определенному уезду, в котором зачисленный получал земельное поместье.

Очень выразительна география фамилий из формы родительного падежа множественного числа: *Белых, Долгих, Молодых, Ивановских* (они выражали принадлежность не главе семьи, как все другие фамилии, а семье в целом). В XVII в. эта форма именовании господствовала в бассейне Северной Двины. По "переписи часовен" 1692 г. в Шенкурских волостях так именовали больше трети всех привлеченных. Позже образования на *-их* вытеснены, но и в 1897 г. они еще охватывали 6% всех крестьян Шенкурского уезда. С Севера они хлынули в центрально-черноземное междуречье (между Орлом—Курском—Воронежем), а на восток — за Вятку, Каму, Урал и настолько распространились в Сибирь, что нашим современникам фамилии *-их, -ых* кажутся сибирскими (хотя принесены туда они из обоих их массивов — северного и среднерусского).

Напротив, фамилии из уничижительных именовании с *-ка*, обязательных в XVI—XIX в. для всей народной массы, о которых с болью и гневом писал В.Г. Белинский в бессмертном "Письме к Го-

голю”, повсеместны в России (*Гришкин, Васькин, Кондрашкин*), кроме Севера, куда не распространилось крепостное право.

Связям большинства формантов с территорией соответствуют и их связи с определенным временем. Эта картина пестра и сложна. Здесь приведены лишь немногие факты, все остальные еще ждут исследователей. Задача не из легких. Необходимо знать и законы русской исторической фонетики, историческую географию России, весь набор личных имен. Мало кто раскроет в фамилии *Веденеев* имя *Бенедикт*, а в *Охромееве, Фоломине, Вахрушеве* узнает *Варфоломея*. При этом еще надо учитывать и контаминацию, например, форма *Ганя* возможна и из *Гавриил*, и из *Агафон*, и из нескольких других имен.

* * *

Так территориально и диахронично характерны собственные имена на всех уровнях — фонетическом, лексическом, словообразовательном. Это относится не только к топонимии и антропонимии, затронутым здесь, а и ко всем остальным разделам ономастики, изученным слишком мало или не изученным совсем. Ономастика располагает транспортом, о каком не может и мечтать самая богатейшая экспедиция диалектная или историческая — фантастической “машиной времени” Г. Уэллса.

У каждого вида собственных имен свои преимущества и свои минусы, если рассматривать их как источники по истории языка и его диалектов. Топоним не монета, на которой высечена дата, зато он прикреплен к месту (хотя многие топонимы перенесены: например, русская топонимия Сибири — своего рода “повторительный курс” топонимии тех территорий, с которых шли переселенцы, но уже само это — замечательный исторический источник). Фамилии перелётны вместе со своими носителями, но ценно их преимущество — их основы не гадательны, строгая форма канонического имени известна точно, ее сопоставление с живой раскрывает процессы, обусловленные закономерностями истории русского языка и его диалектов.

Русская ономастика — огромный котел, который массу притяжательных прилагательных переплавляет в существительные (*иваново село — гор. Иваново, кузнецов сын — фамилия Кузнецов*). Еще существенней картина, обнаруженная подсчетами фамилий больше 3 миллионов русских: оказалось, что нет единой преобладающей фамилии. В Новгородской, Псковской и соседних областях решительно преобладали *Ивановы*, на Севере — *Поповы*, во всем Северном Поволжье — *Смирновы*, южной и восточной Москвы — *Кузнецовы*; всюду вне северо-запада *Ивановых* — в сельских местностях 2—3 десятка, как и *Смирновых* — вне своего массива. Случайность исключена объемом подсчетов. Налицо — состояние ко времени становления русских фамилий, протекавшего в основном с XVII по XIX век. Перед нами 4 массива, непосредственно предшествующие сложению всероссийского рынка.

Из всего приведенного видно, что ареалы собственных имен очень часто не соответствуют рубежам диалектов, установленным по апеллятивам. Ничего удивительного. Ведь и в нарицательных граница между *z* взрывным и фрикативным совершенно не совпадает ни с какими диалектными; так же наперекор установленным границам расположены многие другие явления. Тем более оправданно, что у ономастики — свои "диалекты". Подчиняясь многим диалектным чертам, акающие произносят *Арлоф, Варонин*. Но наряду с этим огромно количество ономастических примеров, независимых от диалектов апеллятивных. Внутренние, специфические закономерности ономастики, конечно, усложняют привлечение ее в помощь другим отраслям языкознания. Тем дороже каждая отрасль! Не нужно радоваться взаимным сходствам и огорчаться расхождениями. Взаимные иллюстрации подтверждают известное, а расхождения открывают неведомое.

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ РЕДАКЦИИ

Статья покойного В.А. Никонова, известного советского специалиста в области ономастики, публикуется в том виде, в каком она осталась в рукописном наследии автора. Возможно, при редактировании работы автор устранил бы некоторые неточности в отношении конкретных случаев. Так, среди слов, упоминаемых в статье как неизвестные за пределами ономастики, есть и такие, которые зафиксированы современными региональными словарями (например, относительно *засора* см. Филин 11, с. 49).

А.К. Матвеев

НАЗВАНИЯ С ОСНОВОЙ *КОНЕ-* В ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА

В Онежском районе Архангельской области Севернорусской топонимической экспедицией Уральского ун-та (СТЭ) было записано название *Кóнепаньга*, которое, на первый взгляд, принадлежит к многочисленным субстратным названиям на *-v + ньга*. Фактически же оно не имеет к ним никакого отношения, хотя по своему фонетическому облику и акцентуационной характеристике (типичному для финно-угорских названий ударению на первом слоге) должно рассматриваться как субстратный топоним.

Поскольку перед нами скорее всего двукомпонентное слово, а топонима *конеп-* в картотеке СТЭ не засвидетельствована, напрашивается предположение о том, что это название надо членить не на компоненты *конеп-* и *-аньга*, а каким-либо иным способом.

Так как *Кóнепаньга* — залив в озере Нижнее *Пóньгозеро*, находящемся в верховьях реки *Пóньга*, есть все основания считать, что при записи была допущена ошибка, связанная с редукцией заударных гласных, сплошь и рядом наблюдаемой в современном полу-